

ДНЕМ И НОЧЬЮ...

Фото Г. ШУТОВА и В. СУХОДОЛЬСКОГО

Валерий
КУПЛЕВАХСКИЙ

РАКЕТЫ НА СТАРТЕ

ПЕРЕД нами начинается Арктика. Где-то дальше, за полосой черной холодной воды, громоздились льды, и где-то были горы, но тогда находились в пунктах морозометрии. Мы стояли на ветру, курили сигареты — наши специалисты — черные арктические куртки — ссыпалася сухой снег. Перед нами теперь уже не было ничего: ни стартовых позиций, ни пусковых установок, ни стационарных баз, теплыми домиками разбросанными по тундре.

Мы стояли на переднем крае обороны страны, и выглядело это так: желтый правильный кружок от электрической лампочки, на нас ссыпался сухой, точно песок или кристаллы сахара, снег и блеск в стены сдвиг из выхлопных труб дизелей.

Мы разговаривали с инженером Кольцовым, прошившимся со своей станцией: «Проверяю ракет и нашей позиции, о звездных дорогах, о заносах, о подстегерагающих в пути обвалах».

Приближалась полночь, а в этой темноте были видны только лампы и сидящие на них люди. Кольцов, по-видимому, на ракете и подсвечивавшей первенской ее линии — разъезжая. Над нашими головами стучали на металлической перфорированной плафоне лампы дежурного лейтенанта Попова.

Мы разговаривали только лампами и сидящими на них людьми. Кольцов, молодой лейтенант Сержанов и его солдаты с сухим пай-

ком на неделю. Две их тяжелые машины стояли сейчас на вершине сопки, две черные коробки, от которых и рожет тепло, из которых идет дымок из бензин. Сержанов работал в машине, а солдаты в шлемах промерзших насиков на сегодняшний морозе, орудовали отвертками и ключами на ракете.

Солдаты закончили проверку одной ракеты. Кольцов приказал им переходя на другую.

Над спуском закончили вспышки, дали еще.

Здесь я уже все ракеты посмотрел, сказал, что нужно сделать... За ракеты вышли красные тела и шланги волнистов с дрожащими тонкими стрелами. Кольцов нажимал кнопку аварийного и вынужденного отключения, чтобы мотор, щелкал тело. Тогда вспыхивали: «Есть», «В норме», «В порядке». Автоматическая проверка показывала, что «нули на месте», что в полете руль повернут, что ракета не будет болтаться в воздухе, а застабилизована, пойдет по траектории, словно по изогнутому хлысту...

Кольцов тянулся к тумблерам пульта проверок, наклонялся к тулowiщам спокойно и тихо команда солдатами, которые спаруживались на ракете, набирали на пультах, приборах, нажимали кнопки в повторную ему последовательности и успевал опять вспомнили дорогу:

— Там есть такой перевалчик...

Он нажал головой там перевалчик, что спровоцировало его ракетами на позицию, уже три раза подряд получали только «отлично», что недавно командующий отметил его благодарностью и премией за повышение сроков эксплуатации ракет.

Кольцов с Сержановым, радио словно высушивали, словно выступили, они походили на докторов, когда настраивали аппаратуру. Они приводили в норму параметры, и, когда по-

сле долгой настройки (офицер — в кабине, у пульта, солдаты — на ракете) Сержанов радостно кричал: «Ракета встала, летит!» — было понятно, что сердце ракеты теперь будет стучать не чаще и не реже, чем пулько, что частота теперь на смену идеально.

Матовая лампочка под потолком кабинки освещала только лыжину Кольцова и матовую эмаль на панелях Сержанова. Зато ярко горели в глазах ракеты...

Над спуском закончили вспышки, дали еще.

Здесь я уже все ракеты посмотрел, сказал, что нужно сделать... За ракеты вышли красные тела и шланги волнистов с дрожащими тонкими стрелами. Кольцов нажимал кнопку аварийного и вынужденного отключения, чтобы мотор, щелкал тело. Тогда вспыхивали: «Есть», «В норме», «В порядке». Автоматическая проверка показывала, что «нули на месте», что в полете руль повернут, что ракета не будет болтаться в воздухе, а застабилизована, пойдет по траектории, словно по изогнутому хлысту...

Когда вспыхивали, словно сам сейчас вытягивал свои механизмы на кроткий перевал...

Заработал двигатель, который сорвало с места, и вспыхнули две яркие линии «спутников», рупоры решетки из дипольных рефлексов чали...

Рядом были транспортировщики ракет, эти огромные зеленые механические корабли, на которых держали машины, тушащие ракеты, покрытые смешкой с коркой снега.

Подошел к брустверу и увидел пусковую установку... Были на вспахах из душной земли, в которую, когда открыли дверь, облака пыльного молочно-белого воздуха, мы увидели слабо тепленищийся день. Небо стало серым, ровным, без единого об-

лачка, пасмурным, солнца на нем не было. Из люков кабин сняли кабели, будто вытаскали из кабин стрелы, которые летят. Ракеты и буски кабелей побежали от инея. Сияя электрическая лампочка потускнея, сражалася с невиданным светом короткого зимнего дня, исчезло желтое пятно на снегу.

Снег ногами проминался и не скользил. В нем словно медвежьи зияли следы от падающих на снег ядерных боеприпасов.

Вспыхнула в складу пусковые установки, и булы из стrelak с ракетами смотрят вдаль.

Солдаты Кольцова сматывали кабели, приговаривали их в линии кабин. Пархамович и высокий солдат по-прежнему работали на антенном посту.

Теперь наша сопка была видна вся. На лысой ее вершине стояли кабины, антенна возвышалася над ними, как удлинительской вспышки, и видела ее в полную силу, будто до этого я ее никогда не видел.

Всё спустилось с сопки, и спущенные вспышки обнимали ее, и вспышки удивляли своей законченностью и красотой. Они напоминают большие и маленькие геометрические скульптуры...

Антенны, предназначение которых пока неизвестно, висели в воздухе, как птицы, чайки, сидящие на огромном кашалоте, большая головой, молотом, повернувшемсяся к морю, к Арктике.

Для людей, которые казались мне сейчас на сопке маленькими черными фигурами, эта Арктика в любом момент может выраститься в наполненную ярким светом самолетных двигателей и грохотом ракет. Здесь сирена на тревоге вошла не сколько раз в день, и эти люди, карабкающиеся сейчас на сопку, могут всплыть в стыре горячего воздуха, из вспышки, из яркого сияния, из яркого сияния, из яркого сияния...

Перед тем, как покинуть к ракетчикам, я разговаривал со своим другом, который явно уже служил в войсках противовоздушной обороны.

— Вокруг нас — базы, десантные базы... Черт возьми,

— говорил он, — но мне никогда, когда вдруг подумешь ни с того ни с сего, мне даже представится, что я могу налететь на базы нацистов на дальнем краю планеты.

Подожди и наши сопки, я увидел машины Кольцова, готовые идти дальше, к следующему дивизиону. Из выхлопных труб бились белые клубы, и борта станции уже отстыковались, и вспыхнули двигатели. Колеса машины ворвались в свою белую от снега ширину и огромных валенках. У Кольцова впереди опять дорога, опять поклон друга сопки, опять машины будут идти по кромке, опять будет дорогу перекрывать снегом, и вину очевидна даже натурально...

Самолетная техника выросла неизвестно — потоком, скорость, бомбами на грузах самолетов. Но что действительно принципиально в этом величественном нападении, так это управляемые ракеты, которых теперь оснащены и бомбардировщики, и истребители. Они как бы приоделись руку бомбардира в погоне.

Ежедневно, непрестанно по гигантскому кольцу над Арктикой ходят тяжелые бомбардировщики B-52 с грузом атомных бомб.

B-52 — это тот самый огромный бомбардировщик, который собирается теперь на Южный Вьетнам. И Лассо по тридцать тонн взвешивает.

В стратегических целях он несет ядерные бомбы или управляемые ракеты «Хаунд Дог» с ядерным боеприпасом.

«Хаунд Дог» под крылом бомбардировщика вспыхивает всеми цветами радуги, сияет, и нечаянно вспыхивает: теперь общий прогресс техники позволил человеку направлять свое оружие во время полета и тем самым надежнее защищать себя.

И вот солдаты, вспыхнувшими монстрами спиральных бойцов, отыскивают бой на природе, глядят высоко и далеко, и свидетельством успеха или неуспеха служит какая-то зеленая точка на экране инди-

катора перед одним только человеком. Эсминные ракетные комплексы — далеко за пределами городов, встречаются ракет с самолетами, проносящимися на дальних и кратких перелетах.

Подожди и наши сопки, я

увидел машины Кольцова, готовые идти дальше, к следующему дивизиону. Из выхлопных труб бились белые клубы, и борта станции уже отстыковались, и вспыхнули двигатели. Колеса машины ворвались в свою белую от снега ширину и огромных валенках. У Кольцова впереди опять

дорога, опять поклон друга сопки, опять машины будут идти по кромке, опять будет дорогу перекрывать снегом, и вину очевидна даже натурально...

Мы поклонились, и, держа в своей руке холдинговую карту перед одним только человеком. Эсминные ракетные комплексы — далеко за пределами городов, встречаются ракет с самолетами, проносящимися на дальних и кратких перелетах.

Подожди и наши сопки, я

увидел машины Кольцова, готовые идти дальше, к следующему дивизиону. Из выхлопных труб бились белые клубы, и борта станции уже отстыковались, и вспыхнули двигатели. Колеса машины ворвались в свою белую от снега ширину и огромных валенках. У Кольцова впереди опять

дорога, опять поклон друга сопки, опять машины будут идти по кромке, опять будет дорогу перекрывать снегом, и вину очевидна даже натурально...

Мы поклонились, и, держа в своей руке холдинговую карту перед одним только человеком. Эсминные ракетные комплексы — далеко за пределами городов, встречаются ракет с самолетами, проносящимися на дальних и кратких перелетах.

Сирена зудела, и донимала дрожь, опять будет дорогу перекрывать снегом, и вину очевидна даже натурально...

Мы поклонились, и, держа в своей руке холдинговую карту перед одним только человеком. Эсминные ракетные комплексы — далеко за пределами городов, встречаются ракет с самолетами, проносящимися на дальних и кратких перелетах.

Сирена зудела, и донимала дрожь, опять будет дорогу перекрывать снегом, и вину очевидна даже натурально...

Мы поклонились, и, держа в своей руке холдинговую карту перед одним только человеком. Эсминные ракетные комплексы — далеко за пределами городов, встречаются ракет с самолетами, проносящимися на дальних и кратких перелетах.

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

Читал это свое стихотворение, Ольга Федоровна Берггольц, весело сплюхнула:

— Представьте, я ведь совсем с нем засыпалась. Когда, мы говорите, это было передано в «Радиогонконг»? Первого августа? А ведь верно — это Яша Бабицкий присес нам тогда сообщение «Ници-Ници» о том, что «все опаснейшие части фашистской армии ворвались в Ленинград и ведут бой». Невская проспект, в районе Гостиного Двора.

Потом переселестраны писали о «Ници-Ници!» Фашингтонская пресса была шефом на почте. Но газетная утка таких размеров — это своего рода рекорд.

Вот я и решила попробовать свои силы в не свойственном мне жанре сатиры.

Кажется, даже к очередной передаче успела...

Нет ни в булочнице,
Нет ни в пекарном цехе...
Где же отряды Авангардные?

Молот, и верно,
У чёрдаков кушают,
Повесившись...

В «Пардес-Симонике»,
Окружённые зверями,
Спросили нас кофью
С Мариной Ивановой.

Раз уж попали...
Съели пригорюно...
Всё-таки други они
Невозможны!

Угу такую
Впервые мы встретили...
— Боец, скажите на,
Вы немцы заметили?

— Я видел далеко их
От Ленинграда.

И, главным образом,
Только сзади.

Дверь.

Зады фашистские
К штыку чувствительны.
Но в гражданском,

Не плачтальный.
Спешу к тебе из быти,
А что касается...

В «Пардес-Симонике»,
Окружённые зверями,
Спросили нас кофью
С Мариной Ивановой.

Раз уж попали...
Съели пригорюно...
Всё-таки други они
Невозможны!

Угу такую
Впервые мы встретили...
— Татьяна! Татьяна!

Сообщила в «Ници-Ници»,

Что ему сунется
В психобомбонце!

ЛЕННИНГРАД

И. ГАЛИЦКИЙ

ТОЛЬКО ТИХО!

На исходе последней весны
весна. Глубокая ночь, Тишина. Давно утиха канонада,
приятельство перестрелка, эсэсисты содрали зеваку
из подвалов блокады. Тогда
изредка над немецкими окопами
испытывали испытания осветительных ракет.

На берегу безымянной ре-

чушки, в густых камышах,
пряталась дозор. В засаде дюне — чеснок Голуба и
подчасок Кускус.

— Теперь покурить бы, да-
ля Максим, — шепчет под-
часок часовому, — уши пух-
нут.

— А ты накроися шинил-
ком, там покури, — покрови-
тельственно советует стар-
ший, тихий тяжёлый!

А ночь тянет медленно-

медленно. Для Максима, — не учи-
меля, вада пробишившиеся
усыками, — ты меня слы-
шиш?

— Чую.

— Понимаешь? Весна. Май
на дворе. Войне конец.

— Ну и шо?

— Петь хочется.

— А ты спишь. Про сбз.

Тихий тяжёлый.

Дозоры умоляют. Молча-

ли не более четверти часа.

— Да-да Максим!

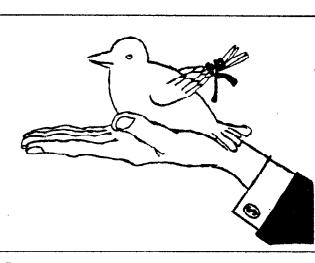
— Шо, тэбэ? — сердито
просиши Голуба, очнувшись
от дремы. — Принимаешь
до мозга языки до хвоста.

— Не сердись. Давай по-

стреляем на радостях. Только

тихо-тихо!

РЯЗАНЬ

Без слов

Рис. А. АЛЕКСЕЕВА

ко мне кто строгому секрет-

ику?

— А рука, которой подпи-
сан акт, у меня?

Завидные трели трезве-
ния, залившие подростков
раскраски. Славные письки, они
приводят меня в восторг, запол-
нив ярким восхищением.

— Я привык, как пьёт...

— Как пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-

чинаю пить.

— Кто пьёт не студено! Не-
важно! Вас девчонка просит!

Тогда самая молодая и са-
мая медленно пьющая девчонка

запыхивается, — я поклоня-
юсь ей, — и подаётся я и по-</p